

Содержание

Вместо предисловия	7
Воцерковление как социализация	11
Диагностика внутреннего мрака	26
Мирянин в святцах	35
Каюсь, что не ангел	45
Ненужные сведения.	49
О физическом труде.	57
Апостол Павел и его спутники	63
По добру не идут.	73
Разумное самоограничение.	81
Святое Писание в памяти.	89
Современность	105
Эгоизм и его преодоление	122
Обман, везде обман...	133
Времени нет. Почему?	141
Работа и молитва	151

Депрессия	158
Детство вчера и сегодня	167
О «гражданском браке» и прочих половых вольностях	178
Развод	185
Деньги. Тяжелая тема	193
Долги.	206
Указатель имен	216
Указатель тем	219

Вместо предисловия

У преподобного Паисия Афонского есть книга «С болью и любовью о современном человеке». Сам старец ничего не писал. Книга составлена из расшифровок его бесед с духовными детьми и из ответов на вопросы. Название этой книги очень точное. Как еще говорить о человеке, если не с болью и любовью? Если без боли, то человек просто не видит умножающиеся страдания мира и имеет каменное сердце. Если без любви, то зачем вообще говорить что-либо?

Цицерон в свое время, выступая с речью против Катилины, с горечью воскликнул: «О времена, о нравы!» Выражение стало крылатым.

O tempora, o mores!

Мы решили воспользоваться этим горьким вздохом, полагая, что он подходит к разговору о человеке с болью и любовью. При этом мы помним сказанное Соломоном: «Не говори: отчего это прежние времена были лучше нынешних? Потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом» (Еккл 7:10). Мы не осуждаем наше время и не хвалим прежние без рассуждения. Просто

живем мы сегодня, и наши дни достойны горького вздоха, как и все прочие.

Жизнь, кажется, долго шла, как усталый конь по борозде. И вдруг рванула с места так, что не догонишь. Общее отношение людей к жизни сегодня таково: она мчится и стремительно меняется. А когда в быту меняется решительно все — манера одеваться, пища, способы передвижения и обмена информацией, виды отдыха и т. п., — то возникает вопрос: мораль и нравственность могут ли остаться неизменными? Может, такие понятия, как «верность», «честность», «терпение» так же устарели, как устарел гужевой транспорт в сравнении с современным автомобильным? Может быть, и сама вера отходит в область музейной старины вместе с бабушкиной дровяной печью и чугунным утюгом?

Подобные мысли — соблазн, но соблазн закономерный. Оказывается, незыблемые и фундаментальные нравственные категории требуют нового, свежего прочтения в каждой новой эпохе. Если раньше о трудолюбии приходилось говорить в основном с людьми тяжелого ручного труда, то теперь об этом приходится говорить с людьми, одетыми на работе в крахмальные рубашки и стильные пиджаки. Но само «трудолюбие» при этом никуда не исчезло и сути не изменило. Точно так же дело обстоит и с другими нравственными категориями. К тому же и сама жизнь опытно доказывает нам ту простую исти-

ну, что нравственная эрозия, вымывание нравственного смысла из сознания современного человека равнозначно выдергиванию земли у него из-под ног.

Стоит развратиться человеку, полюбить связанные в тугой узел деньги и удовольствия, а кроме них более ничего, как вдруг оказывается, что жизнь треснула. Генно-модифицированная еда не насыщает. Распавшиеся семьи плодят новое сиротство и великое массовое одиночество. Техника, придуманная для облегчения жизни, превращается в подлинное наказание, угрожая катастрофами и умножая суету. К прежним зависимостям прибавляются новые, и под шум о свободе человек все более и более поработается. Слово театр абсурда переступил грань, отделяющую сцену от зала, и вошел в самую гущу жизни.

Не надо обольщаться. Современная цивилизация не сделала того, что обещала. Она не сделала человека счастливым. Видимо, счастье принципиально не живет внутри таких понятий, как цивилизация. Цивилизация, как говорил Константин Леонтьев, лишь избавляет человека от одних проблем, чтобы тут же на их место поставить новые. А человеку все так же, как всегда до этого, нужен Бог. Нужно, чтобы небо над головой жило и дышало, а не превращалось в крышку над медным тазом, в котором оказался человек. У человека по-прежнему болит душа, в бессмертие которой его верить отучили. И, значит, нужно

припомнить некоторые прописные истины, истолковав их на языке, более-менее приближенном к современному пониманию.

Безусловно, это труд, не обещающий великих успехов. При всей своей глубинной несчастью человек все же стал циничен, недоверчив, горд. Он потерял способность говорить о главном. К тому же «нелегкая это работа — из болота тащить бегемота». Но попробовать стоит. Все же речь идет о любимейшем Божием создании, за которое на Кресте страдал и умер Иисус Христос. Люди не созданы для адских мук. Не созданы также и для вечной суеты и взаимного злобного пожирания.

Люди созданы для чистых радостей и умного труда. Возвращению этих ясных мыслей в помутненное сознание современника посвящена эта книга — книга о нас.

О том, что оку хорошо видно, а сердцу не до конца понятно.

О, tempora!..

О, времена!..

Воцерковление как социализация

Крест, как известно, состоит из двух перпендикулярно пересекающихся перекладин. Этот простейший геометрический образ (линия вверх и линия поперек) является, несмотря на простоту, глубочайшим выражением полноты человеческой жизни.

У человеческой жизни есть — должна быть — вертикальная координата. Это наше отношение к Богу и, более того, наши отношения с Богом. Живые, личные отношения. Наши молитвы, наши «шепоты и крики». Наши просьбы и Божии ответы на них, наши обеты и исполнение их. Все это и есть та самая вертикаль, которая есть, вернее, должна быть у каждого человека. Вера — это вертикаль. «Горе имеем сердца!» — всякий раз мы слышим при служении литургии. То есть «сердца наши да будут устремлены вверх!» И литургический ответ общины на эти священнические слова: «Имамы ко Господу!», что означает: «Сердца наши обращены к Господу».

Но вера — это также и горизонталь.

Это нахождение общего языка с другими людьми. С теми, кто стоит с тобою вместе в одном храме на молитве. Но также и с теми, кто не стоит сейчас рядом, но тем не менее является твоим братом и ближним во Христе.

Одной из иллюзий современности является убеждение в том, что вера — это личное дело каждого. Иногда столь интимное и личное, что оно и не проявляется вовне никак. На самом деле отдельный человек вряд ли способен верить. Вера как дар дана Телу Церкви, общине. Вера живет в общине, в верующем народе, и из ее сокровищ каждая личность берет столько, сколько способна переварить и усвоить. Это касается таинств веры и принятия благодати. Это же касается и элементарного братского общения.

Мы верим в одного и того же Господа, участвуем в Его трапезе и при этом можем быть так чужды друг другу, словно теснимся в автобусе, а не стоим у Престола Господня. Примерно так об этой проблеме говорит Франсуа Мориак в небольшой, но крайне полезной книжице под названием «Во что я верю». Я всерьез думаю, что относительный успех различных протестантских миссий напрямую связан с их социальной активностью. Человек, попадающий в одну из таких улыбчивых групп, ощущает себя окутанным братскими и сестринскими отношениями. Это так ново и непривычно для нашего холодного и эгоистичного мира, что человек будет «куплен» этой любовью

надолго. Со временем он, скорее всего, перерастет масштаб и объем преподаваемого учения и образа жизни (я говорю о русских людях), но чувство того, что он встретился с некоей семейственностью, справедливо останется в его душе и будет соединено с благодарностью.

Вот, собственно, чего не хватает. Но не так, как птичьего молока, которого нет в природе. А не хватает так, как не хватает чистоты на плохо подметенной улице — стоит только взять да подмести. В этом нет ничего особо сложного и тем более недоступного.

Всякий человек хоть на что-нибудь да способен. В этой корявой и простой мысли есть много силы и красоты. В каждом храме могла бы лежать тетрадка, разделенная на две части. Название одной части: «Могу помочь», название другой: «Нуждаюсь в помощи». Например, пожилая и одинокая женщина пишет: «Нуждаюсь раз в неделю в помощи по уборке квартиры и закупке продуктов». И она же пишет во второй части тетрадки: «Могу взять на проживание девушку-студентку, так как живу одна. Возьму бесплатно, во славу Божию».

Как нетрудно заметить, первая фраза, выражающая нужду, находит разрешение во второй фразе, предлагающей помощь. В случае, если все сойдется, бесквартирная молодая студентка, ходящая в тот же храм, поселится даром у верующей старушки. А милосердная хозяйка взамен

получит бесплатную помощницу, и не только раз в неделю, а чаще.

Так бывает — если и не всегда, то весьма часто. Нам что-то очень нужно, и мы не имеем этого. Но в то же время мы что-то можем, но не делаем этого. И то, что можем мы, тоже очень нужно кому-то. Получается некое вселенское сиротство и общая душевная сухость. Порочный круг разрывается изнутри нашим личным усилием. Мы ставим перед собой вопрос: «Что полезного я могу делать?» И если у вопроса будет ответ, нужно приниматься за дело. Отсюда, из этой точки, и начинают меняться мир и жизнь человека.

В более радикальной форме вопрос может звучать не так: «Что я могу делать?», а так, как он прозвучал из уст ослепшего Савла, который «...в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь мне делать?» (Деян 9:6). Эта форма вопроса более точна. Вернее, она единственно точна, поскольку «от Господа стопы человеку исправляются» (Пс 36:23). Тот, в ком есть вера, привычно просит от Бога прощения и благословения. «Господи, помоги», «Господи, прости», — часто произносит человек. Но вот и еще один способ и смысл обратиться к Богу: «Что повелишь мне делать?»

Пусть нарисованная картина не рождает в вашей душе радужных иллюзий. Сознательное творение добра (по-церковному — доброделание) — это крест. Он тяжок, и под ним не раз упадет человек. Кто думает, что творить добро есть за-

нятие приятное и легкое, тот вряд ли хоть что-то поистине доброе сделал за всю жизнь. Возьмем хотя бы нашу бабушку и ее студентку-помощницу. Даже если все сложилось и две половинки составили целое (у одной есть жилье, у другой — помощь по дому), у нас нет гарантий, что все будет прочно и красиво. Ведь мы же знаем, как вредна и докучлива, подозрительна и ворчлива бывает старость. Даже у верующих людей. Даже в острой нужде.

Мы ставим перед собой вопрос: «Что полезного я могу делать?» И если у вопроса будет ответ, нужно приниматься за дело. Отсюда, из этой точки, и начинают меняться мир и жизнь человека.

И познакомиться всегда легче, чем ужиться. Кроме того, мы и о молодости знаем, что она бывает ветрена и легкомысленна, ленива и развратна. Так что у нас нет гарантий, что после встречи двух людей, нуждающихся друг в друге, отдельная болячка мира затянется и исцелится. Может быть и так, что появятся новая язва и новое недоумение. Кстати, не так уж нужна и тетрадка. Люди, молящиеся в одном приходе, просто со временем должны узнать друг друга. Узнавание и принесет информацию как о нуждах, так и о способностях.

Сложность на пути реализации того, о чем здесь говорится, одна — эгоизм. Пожалуй, есть и другая — суетность. Быстро бегущий по жизни без цели, вечно занятый только собой и перегруженный проблемами человек — это вряд ли тот, кто исполняет двуединую заповедь о любви к Богу и ближнему. «Какая там любовь?!» — можно досадно прошептать на бегу и махнуть рукой. Но, уверяю вас, сказанное — не фантазия. Просто дело не в количестве, а в принципе. Количество же — дело будущего. И если тысяча человек побеждена грехом, а один победил грех, то это значит, что грех в принципе побеждаем. Количественный перевес одерживает победу только при демократическом подсчете голосов. В остальных областях власть числа подчиняется Духу. Да, мало тех, кто, нося крест на шее, не просто верит в Христа, но и служит Христу. Но служащие тоже есть. Я был очевидцем того, что сейчас опишу.

Кто думает, что творить добро есть занятие приятное и легкое, тот вряд ли хоть что-то поистине доброе сделал за всю жизнь.

После воскресной службы в одном храме один юноша попросил разрешения у священника высказаться перед приходом. Священник дал добро, хотя и с некоторой тревогой (давать мирянину

слово в Церкви у нас не привыкли). Юноша же сказал, что по образованию он математик и предмет свой любит и хорошо знает. Вот только работа его очень отдаленно связана с красотой математических формул и на хлеб он зарабатывает компьютером. А математику продолжает любить. «Я хочу предложить, — сказал он, — тем из вас, у кого дети не понимают математику, свою помощь. Я буду приходить раз в неделю (больше не успею) и бесплатно помогать вашим детям разобратся в науке. Номер своего телефона я оставляю у батюшки». Эту информацию радостно восприняли многие родители, и число желающих сильно превысило в тот же день возможности этого доброго молодого человека.

Но слушайте, что было дальше. Уже в следующее воскресенье две женщины средних лет подошли к священнику с той же просьбой. Оказалось, что одна из них преподает французский, а другая — немецкий язык. Их по-хорошему затронула инициатива молодого математика, и они предложили приходу свою помощь, только уже в иностранных языках. И опять нашлись желающие, и жизнь забурлила там, где до сих пор текла незаметно. Но и это не все. То, что грех заразителен, мы хорошо знаем. Но, оказывается, и добро так же заразительно! Оказывается, что заразительным является не столько грех или добродетель, а заразительным оказывается пример! Яркий, горячий, удивительный

пример заражает людей и зовет на поприще. Разгул греха объясняется только тем, что греховных примеров больше.

Да, мало тех, кто, нося крест на шее, не просто верит в Христа, но и служит Христу. Но служащие тоже есть.

Так вот. Вскоре появился еще один молодой человек, который сказал, что не знает ни немецкого, ни математики. Зато у него есть микроавтобус и он может возить на службу и обратно домой тех пожилых прихожан, которые живут близко к его району. Далее последовал обмен адресами и телефонами, и дело пошло.

Перед нами тогда, а перед вами — сейчас возникло словно некое соревнование в святости. Точнее, в праведности, поскольку праведник очевиднее проявляет любовь к ближнему, тогда как святой — это отделенный от людей на службу Богу. Но, так или иначе, помимо терминологических тонкостей, это неслыханное и удивительное соревнование. Не социалистическое, от которого тошнило; и не спортивное, о котором непременно расскажут в СМИ. Это соревнование в праведности! А вы когда-нибудь слышали, что жизнь христианина — это соревнование? Это устремленность вперед, как при атлетическом беге. Слушайте:

«Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных» (1 Кор 14:1).

«Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» (1 Кор 12:31).

А вот слова, очень похожие на речь спортивно-го тренера: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить» (1 Кор 9:24).

Обратим особенное внимание на часто повторяющееся слово «ревность». Описанная ситуация возбудила именно некую добрую ревность во многих душах, и некоторые слова Писания ожили перед нами. Ведь кто такие верующие? Это те, кого Бог очистил Себе, «народ особенный, ревностный к добрым делам» (Тит 2:14). И еще раз в том же послании апостол Павел говорит, «дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам: это хорошо и полезно человекам» (Тит 3:8). И вот, один человек, согретый ревностью по Богу и Святым Духом, как от малого огня, возжег множество свечей, делясь своим воодушевлением с братьями и сестрами.

Есть ревность, которую возжигает в муже жена (или муж в жене) своим неправильным поведением в обществе. Такая ревность связана с грехом или угрозой совершения греха. Но есть ревность, рождающаяся от вида или слуха о том, что кто-то уже давно успешно делает некоторые прекрасные дела, тогда как ты сам пребываешь в праздности и теряешь время. Сия вторая ревность

прекрасна. Она от Святого Духа и растревоженной совести. Ее-то нам и следует возбуждать, учась у апостола язычников. Вот, апостол Павел говорит, что одной из мыслей при его служении и проповеди у него была следующая: «Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них?» (Рим 11:14). Имеется в виду то, что евреи, видя вчерашних язычников очистившимися и освятившимися, слыша от них слово Божие, должны были разгневаться на себя самих. Мол, как же так? «Это же мы избранны первыми! У нас древние книги и Закон! От нас все пророки! Так почему же святее нас, ближе нас к Богу оказались вот эти, пришедшие недавно? Теперь у них сила, и радость, и исцеления, и пророчества!» И неумолимый вывод: «Значит, мы сделали что-то не то. Мы не правы. Правы они».

То, что грех заразителен, мы хорошо знаем. Но оказывается, что и добро так же заразительно! Яркий, горячий, удивительный пример заражает людей и зовет на поприще.

Вот на эту реакцию и на покаяние после нее рассчитывал апостол Павел. Впрочем, не так, чтобы все евреи обратились к Иисусу и покаялись (на это Павел не очень надеялся). Ожидать покаяния от всего мира или целиком от какого-

то народа — наивно. В цели апостола входило спасти хотя бы «некоторых».

Итак, зажечься самому от Господня Духа и зажигать других в согласии с волей Бога — так можно сформулировать жизненную задачу христианина. Но мы также говорим здесь и о социализации человека. А социализации реально противостоит атомизация жизни, то есть чуждость каждого всем и закупорка человека в самом себе с последующим издыханием в камере собственного эгоизма. Человеку нужны, как сказали мы раньше, и вертикаль (молитва, ответ на нее, благодать), и горизонталь (служение, дружба, взаимопомощь).

Начинать можно хотя бы с узнавания того, кто стоит с тобою рядом в храме. Это узнавание должно быть осторожным, даже робким. Никак не панибратским и разухабистым. Человек этого не любит. Но, Боже мой! — какие сокровища иногда нас могут поджидать на этом пути! Ведь православный храм с его всенощной и литургией таков, что в нем одновременно хорошо и человеку с тремя классами образования, и академику РАН. Именно в православном-то храме с его многовековой поэзией и корнями, уходящими в глубь веков, хорошо бывает академикам и докторам наук (если им подарена вера и если гордостью и упоением от своих заслуг они эту веру не удушили). Справа или слева от вас в храме хоть сейчас может стоять известный скульптор или

писатель, герой войны или труда, очень богатый человек или многодетная мать. Одним словом, кто хочешь.

Зажечься самому от Господня Духа и зажигать других в согласии с волей Бога — так можно сформулировать жизненную задачу христианина.

Каким-то образом человек в храме больше себя самого. Потому что если он, положим, пришел молиться за покойных сродников, то связь с ними у него есть, эта связь реальна и это чувствуется. И Ангел наш особенно радуется нашему пребыванию в храме. Вот почему Розанов В. В. писал где-то (цитирую не дословно, а по памяти), что если он стоит на улице в компании важных господ, а по другой стороне улицы идет старый батюшка, то Розанов отойдет от важных господ и подойдет к батюшке, чтобы поцеловать ему руку. Ведь возле господина Пуришкевича или Родзянко станет еще один господин Пуришкевич или Родзянко, потом еще один, и так до бесконечности. А больше никто и не станет. А возле старенького батюшки хоть сейчас станет митрополит Филарет. Да что там! Даже и Серафим Саровский! А может, и Сам Спаситель!

Слова эти справедливы не только в отношении духовенства, но и вообще верующих людей. Те-

перь вернемся к социализации и снова обратимся к примерам.

Вот с какой просьбой уже в другом приходе обратилась женщина к настоятелю. Дело было накануне 1 сентября, а женщина работала на книжном рынке в палатке с канцелярскими принадлежностями. И она попросила настоятеля храма, в который ходила, объявить прихожанам о том, где именно ее торговая точка. Зарплата у нее насчитывается от продаж. Больше продашь товара — больше получишь денег. И деньги для нее, воспитывающей ребенка в одиночку, никогда не бывают лишними. А люди и так будут покупать карандаши, линейки, циркули, контурные карты, фломастеры и все прочее по списку. И цена этих товаров очень незначительно отличается от магазина к магазину. Так почему бы нам не купить необходимый товар не у первого встречного или случайного продавца, а сестры по вере? Ведь по сути мы, ничего никому не жертвуя, совершаем коллективную денежную помощь конкретному человеку. Деньги наши и так были бы потрачены. Но в данном случае они, потраченные целевым образом, превращаются в жертву, в сознательно совершенное доброе дело. Таково волшебство христианства! Ничего не лишившись, ни в чем не потерпев утраты, ты можешь делать добро и приносить жертвы. И дело не в деньгах, которых вечно не хватает. Дело в уме, которого не хватает больше.

Далее этот пример можно расширить, поскольку нам явлен некий принцип, а он уже приложим к сотням ситуаций. Вот вы меняете летние шины на зимние, или наоборот, в зависимости от сезона. Поинтересуйтесь. Вполне возможно, где-то в храме есть владелец станции шиномонтажа или рабочий такой станции. У вас появляется возможность избежать очереди и пополнить своим заказом кассу очередному брату. Так же может обстоять дело с побелками, покрасками, сантехническими работами, пломбированием зубов, ремонтом машин и прочее, прочее. Ведь всем этим, возможно, занимаются люди, молящиеся рядом с вами в том же храме. Просто мы об этом не знаем.

На этой фразе можно было бы и остановиться для передышки. **Просто мы об этом не знаем.** Она проста, как пареная репа. Но она и страшна.

Ведь есть вещи, которые мне знать не надо. Их много, но если я храню себя от лишнего, то я просто их не знаю.

Есть то, что недоступно уму. Ограниченный ум человека всегда будет наткаться на непреодолимые преграды и признаваться в своем бессилии. Это неизбежно. Следовательно, я просто не знаю того, к познанию чего я не способен.

Но есть то, что я должен знать. И в отношении этого перечня тем сказать, что я просто не знал об этом, будет либо преступлением, либо страшной ошибкой.

Сможет ли на закате дней человек, узнавший, что есть Бог, жив Христос и действует Евангелие, сможет ли он сказать, что раньше «просто не знал об этом»? Именно слово «просто», «просто не знал», не прозвучит ли страшным диссонансом? Где речь идет о жизни и смерти, там слово «просто» произносится с большим трудом, если вообще произносится.

Вот так же и в нашем вопросе слово «просто» звучать не должно. «Я всю жизнь страдал от одиночества и людской злобы. Я и сам толком ничего хорошего не делал. Моя жизнь не то чтобы проточалась. Она проскрипела и прогрохотала, как несмазанная телега с кривыми колесами. И все потому, что я не узнал Господа в Иисусе, а в ближнем — брата. Я никому не служил». Это примерная исповедь человека, мимо которого прошло христианство, или наоборот — он мимо него. Чтобы таких горьких слов было меньше, надо «просто» иногда смотреть по сторонам в поиске брата.

Диагностика внутреннего мрака

У английского писателя К. С. Льюиса есть книга «Письма Баламута». Это книга-перевертыш, в которой хорошее плохо, а плохое хорошо. Она написана от лица падшего духа, который инструктирует своего подопечного — мелкого беса — по части ведения духовной войны с одним из подопечных — рядовым христианином. Соответственно, Бог в этой системе ценностей — враг, успех — совершенный человеком грех, поражение — возрастание искушаемого человека в молитве и вере, и так далее.

В седьмом письме этой своеобразной переписки патрон рассуждает на тему «что лучше для человека: чтобы они знали или не знали о существовании бесов?» Вопрос представляется дилеммой. С одной стороны, говорит старший бес, «наша политика состоит в том, чтобы скрываться».

В XIX веке кем-то из писателей было сказано, что победа злого духа — это умение убедить лю-

дей в его отсутствии¹. Но, с другой стороны, когда люди не верят в существование нечистой силы, бесы лишены «радостей магии и прямого террора». В конце концов злой наставник полагает, что им (падшим духам) удастся совместить атеизм, закрытость для Бога, с магией. «Если нам когда-нибудь удастся создать изделие высшего качества — мага-материалиста, не только использующего, но и почитающего то, что он туманно и расплывчато именуется “силами”, отрицая при этом невидимый мир, мы будем близки к победному концу».

«Победный конец», стоит дополнить, это тотальное осатанение человечества. Это состояние непроницаемости людей для Божьего воздействия и, соответственно, переход всей жизни в категорию «дьявольского водевиля».

Хотите верьте, хотите нет, но работа по селекционному выведению упомянутого мага-материалиста не стоит на месте. Она движется вперед. И не где-то на островах, где практикуют вуду, а у нас: в нашей стране и в нашем народе.

Среди множества телевизионных передач вы наверняка видели такие, где мадам средних лет, окруженная таинственными символами, при свете горящей свечи принимает звонки от зрителей.

¹ «Величайшая уловка дьявола состоит в том, чтобы убедить вас, что он не существует» (Ш. Бодлер. Великодушный игрок). — Здесь и далее прим. ред.

Те спрашивают о здоровье, о безотчетных страхах, о неудачных попытках замужества, а она, сдабривая свою речь названиями созвездий и всякой белибердой про «астральные тела», «чакры» и «энергетическое поле», дает обтекаемые советы и рекомендует срочно связаться со специалистами, чей номер телефона неизменно появляется внизу экрана на бегущей строке. Вы, конечно, видели это. Так вот, суммарная аудитория людей, доверяющих столь грубому и примитивному облапошиванию, в десятки раз (это не для красного словца, а поистине) превышает аудиторию, скажем, телеканала «Культура». Люди, доверившие душу экстрасенсам и «целителям», готовы продавать движимое и недвижимое имущество, снимать с себя украшения и расставаться с накопленными сбережениями в пользу своих «благодетелей». И это именно те люди, от которых можно услышать: «У меня Бог в душе», или «В Бога я верю, но в церковь не хожу», или «Церковь обманывает людей, а я свободен от предрассудков». Да-да, это именно эти люди. И их очень много. Огромная часть из них крещены. И по сути, данная ситуация является диагнозом внутреннего состояния нашего общества, которое можно описать так: в душе мрак, в голове каша, от Бога человек отвернут, а к воздействию темных сил открыт.

Этого, конечно, не могло быть до революции, при православной монархии. Какие-то гадалки

были и будут всегда, но мутный вал ложной мистики и тотальное народное невежество были абсолютно невозможны. Этого не могло быть и при советской власти с ее ненавистью ко всякой метафизике и духовной проблематике. Нахрапистый и агрессивный атеизм верит только в то, что может пощупать руками. На тех, кто дерзает думать о невидимом, торжествующий атеизм предпочитает смотреть через прицел «товарища маузера».

Внутреннее состояние нашего общества можно описать так: в душе мрак, в голове каша, от Бога человек отвернут, а к воздействию темных сил открыт.

Но вот прошли те странные времена. Отравленный собственной ложью, официальный атеизм издох. Пришла ли на его место светлая и чистая вера? Ничуть не бывало. Человек — существо падшее. И мир падших духов к нему ближе, чем светлый мир благодати. Это, кстати, одна из важнейших охранительных истин практической аскетики. В духовном мире, где есть своя грязь, эта грязь нам, к сожалению, ближе. Она не всегда предстает в своем собственном виде. Скорее наоборот. «И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор 11:14).

Поэтому исчезновение принудительного советского безверия сменилось не всеобщим покаением и воцерковлением, а мутным потоком ложной мистики, соединяющей в себе духовное невежество и доверчивость, взрослые страсти и детскую наивность.

Исцелять эту беду полицейскими средствами нет никакой возможности. Дело не в злонамеренных шулерах, которые всегда найдут возможность — то ли при помощи колоды карт, то ли при помощи «магического шара» — опустошить карманы клиента. Дело в тех миллионах людей, которые верят во все это. Вот к ним, к каждому из них никак не приставишь ни царского жандарма, ни современного полицейского. Единственный путь (он же и наисложнейший) — это их внутреннее просвещение и вразумление. На основе чего? На основе Писания, конечно. «Все зло мира от незнания Писаний», — говорил Златоуст.

Гадания, ворожба и прочее называются в Библии «мерзостью». Господь строжайше запретил входящим в землю Обетованную евреям иметь среди себя «проводящих сына своего или дочь свою через огонь, прорицателя, гадателя, ворожею, чародея, обаятеля, вызывающего духов, волшебника и вопрошающего мертвых». К запрету добавлено: «...ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их (прежде жившие в Палестине народы) от лица твоего» (Втор 18:10–11).

Эту заповедь, как и многие другие, евреи исполняли не усердно. Отсюда весь драматизм их истории, наполненной изменами Богу, наказанием от Него и покаянием.

В Новом Завете апостол Павел причисляет гадания и волшебство к «делам плоти», то есть к деятельности, противоположной тому, что рождено от Духа Святого. «Дела плоти, — пишет он, — известны». И, начиная с прелюбодеяния, перечисляет целый ряд грехов, среди которых по соседству оказываются «идолослужение» и «волшебство».

Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны,) ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное (Гал 5:19–21).

Последние слова в этом отрывке: «Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал 5:21).

Магизм, соединенный с безбожием — это и есть та среда, в которой удобно действовать духу падшему и над которой со временем удобно воцариться и антихристу. «Того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными» (2 Фес 2:9). Это,

следовательно, будет не просто всемирный политик, действующий средствами риторики и рычагами экономики и законов. Это будет всемирный маг, совершающий знамения и ложные чудеса. Их добровольно примут люди, массы людей, вполне свободных в своем выборе и вполне безбожных по предыдущей жизни. Наказание их будет справедливо, и вина за гибель будет на их же главах. Погибающие будут обмануты за то, «что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Фес 2:10–12).

Как видим, «Письма Баламута» вполне укладываются в христианское видение истории, а ежедневная картинка по телевизору лишь подтверждает и нашу тревогу, и апостольские пророчества.

По сути, у нас нет другого выбора, как только отбирать аудиторию у компании бесов и шарлатанов и суеверных искателей чуда превращать в слушателей и исполнителей слова Божия. Пустой душа, как ни крути, быть не может. Слишком дорога она, чтоб остаться незанятой. И поэтому она либо с Иисусом Христом, Его именем и Его заповедями, либо она с кем угодно из пестрой армии Божиих врагов.

Тем, кто отзовется на эти тревожные слова, стоит посмотреть вокруг себя. Может случиться, что

окультурная символика и литература уже давно тихонечко, без шума заняли свое место на ваших книжных полках, этажерках, шкафах. Избавьтесь от этого. Не передавайте другим и не перепродавайте. Выбросьте или сожгите. Так уже было в истории. Конкретнее, в городе Эфесе, где располагался храм Артемиды — одно из чудес света. Соответственно, там было немало людей, практикующих языческую магию. И вот после проповеди апостола Павла «из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли пред всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч *драхм*» (Деян 19:19). Тогдашняя книга не чета сегодняшней. Дороговизна материала, на котором писали, сложность труда переписчика и медленность процесса делали книгу баснословно дорогой. И все же уверовавшие предали эти книги огню, не видя возможности компромисса между евангельской верой и чародейством.

Пустой душа, как ни крути, быть не может. Слишком дорога она, чтоб остаться незанятой. И поэтому она либо с Иисусом Христом, Его именем и Его заповедями, либо она с кем угодно из пестрой армии Божиих врагов.

Я далек от мысли, что мы завтра сделаем все, что от нас требуется. Однако знаю и то, что если слово сказано, то дело не может остаться на

мертвой точке. Мы будем двигаться вперед. Движение это совершается прочь от государственного атеизма, через туманы и тьму ложной духовности к полноценному служению Богу Живому. Успехи на этом пути обещают нам сохранение жизнестойкости нашего народа. Ну, а поражение грозит полным исчезновением или неисправимой деградацией. И это не пустые угрозы.

Мирянин в святцах

В наших святцах очень мало мирян. Святых, имею в виду, мирян. Монахи есть, князья есть, есть юродивые — мирян не хватает. По закону подражания (а это очень важный психологический закон) мирянину некому подражать. В случае стремления к святости ему словно говорят: «Иди в монахи или юродствуй. Иначе святость и ты живете на разных церковных полюсах».

Для Церкви сегодня это один из важнейших вопросов.

Конечно, святые миряне в Церкви были всегда. Только вместо святцев попадали они в светскую литературу. Например, «Живые мощи» Тургенева или «Матренин двор» Солженицына. Это как бы главы из нового патерика, или, точнее, «митерикона», поскольку речь в них идет о святых женщинах. Незаметные труженики, терпеливые страдалцы — все те, по чьей жизни можно приблизиться к деятельному изучению Евангелия. Вот их-то и не хватает.

В истории живописи, скажем, долгое время кисти художника достаивались цари, военачальники, изображались батальные сцены и натюрморты. Потом что-то изменилось в сознании

художников, и на полотнах ожили балерины, официантки, «едоки картофеля» и работники портовых доков. Они были, конечно, в жизни и раньше. Но кисть художника не бралась за них, потому что общественное сознание лишало их достоинства героя картины. Дело изменили фламандцы, потом импрессионисты, потом все остальные. И вот маленький человек стал интересен. Рыбак он или она — молочница, в них разглядели ту красоту и глубину образа, которые раньше признавались только за инфантами или благородными барышнями на конной прогулке. Чего-то подобного ждет Церковь. Ждет того изменения сознания, при котором мы увидим неподдельную святость, не обязательно облаченную в схиму или носящую железный колпак юродивого.

Так уже было недавно в отношении священства. Священников на Руси были сотни тысяч, но смиренный наш народ даже не ждал от них святости. Ждал треб и таинств, но не личной святости. Пока не засиял яркой свечой на церковной свещнице Иоанн из Кронштадта. Это было удивительно. Как? Живет в миру! Женат. Не схимник, не столпник, а при этом огненно свят и чудотворен! С тех пор люди получили возможность искать святости не только в монастыре, но и на мирском приходе. Жизнь священников, надо сказать, усложнилась. Требования к ним значительно повысились. Если один смог,

то, значит, не только он один может. И потом был праведный Алексей Московский, была канонизация Алексея Бортсурманского... Святость и иерейство стали рифмоваться без натяжки. А пушкинский «поп — толоконный лоб» стал тем, чем и был — карикатурой. Вот нечто подобное должно совершиться и в отношении обычного мирянина.

Церковь ждет того изменения сознания, при котором мы увидим неподдельную святость, не обязательно облаченную в схиму или носящую железный колпак юродивого.

Здесь нет места формализации, и дело не должно принять форму церковного закона. Должен произойти сдвиг в сознании. Хотя мы и вправе определить некоторые критерии этого существующего, но не опознанного явления — святости в миру. Сразу оговорюсь, что речь не идет о мучениках. Тут как раз все ясно. Мирянин он или носитель сана, кровь, пролитая им за Христа, снимает вопросы. Речь идет о живущих в миру и в мирное время, но живущих по Евангелию людям, на которых Церковь имеет право указать, говоря: «Вот, возлюбленные, перед вами еще один образец того, как угождают Богу Живому. Здесь можно и брать пример, и просить молитвенного заступничества».